

Янина ЖЕЛТОН

Про злобного таксиста и белоснежный «Мерседес»

Это забавная история о том, что существуют разные мнения о происходящем, и о том, что лучше все-таки промолчать, чем сказать.

И вот день отъезда наступил. Мы вызвали такси, чтобы ехать на вокзал, и тут же выбежали на улицу, потому что ждать внутри было невозможно. По дороге медленно катил белый «Мерседес». Я сразу обратила внимание, что едет он уж слишком плавно. Из такси вышел коренастый водитель средних лет в белоснежной футболке.

«Красиво! Белая машина и белая майка», — подумала я. Но, взглянув на физиономию таксиста, мысли о красоте сразу рассеялись. На меня смотрело крайне недовольное слегка перекошенное зеркало души. Не кислое и унылое, а именно агрессивное-недовольное лицо. Водители частенько впадают в эти тяжелые состояния, когда им кажется, что весь мир ополчился против них, а пассажиры

только и делают, что строят хитроумные планы, чтобы незаметно выпрыгнуть из машины и убежать, не оставив водителю ни монетки.

— Почему у вас чемоданы такие пыльные? — первым делом спросил водитель «Мерседеса».

— Запылились, — ответил Пупсик. Мы сели. Пупсик, по традиции, которую в старо-древние времена завели мужские шовинисты, занял переднее сидение.

— А почему штаны такие грязные? — задал таксист свой второй вопрос.

— Не отмываются, — ответил Пупсик простодушно.

— Почему это не отмываются? — не унимался таксист.

— Это масляная краска! — вполне миролюбиво ответил мой Пупсик. Но я-то знала, что в душе у него взметнулась парочка красных ракет.

«Не всем же на белоснежных машинах развезать», — хотела было заметить я. Но промолчала. Чего ругаться, если чемоданы действи-

тельно пыльные, а штаны в краске? Все, что сказал водитель, — святая правда. Просто если бы он был дипломатом, он бы не обратил на это внимания. Но водителя нашего, похоже, в дипакадемию не приняли.

Я рассматривала деревья и дома. Была хорошая погода, цвели кусты роз: красные, белые, карминовые, желтые с переливами в оранжевый и персиковый. Роскошное цветение! И думала о том, что даже если зловерный таксист захочет нам как-то навредить, у него ничего не получится. Поезд стартует через час. Мы успеваем.

Тем временем над первым рядом сидений повисла зловещая тишина. Машина ехала очень медленно, Пупсик тщательно формулировал свой вопрос. Он хотел спросить: «Почему так медленно едешь, раньше на асфальтоукладчике работала?». Но промолчал. Пупсик тактичный от природы.

Мы доехали до конца улицы, когда таксист связался с диспетчерской и сказал:

— Пришлите другую машину, моя сломалась. Вышел и выгрузил наши вещи. На какой-то миг мне стало страшно.

Тут Пупсик, который оказался рядом со мной, громко прошептал, глядя в открытый багажник:

— Это что это за штука? Это что, бейсбольная бита?!!

Действительно, в багажнике лежала огромная и новая ярко-рыжая бита, аккуратно завернутая в целлофанчик.

Пупсик аж подпрыгнул от радости!

И сказал: — Какой я все-таки молодец! Ай да молодец! Не озвучил про асфальтоукладчик. Не получил битой по башке!

— Оно того не стоит, Пупсик, — подтвердила я.

В этот момент рядом с нами развернулся серебряный автомобиль. Подоспело новое такси, мы погрузились в него и умчались на вокзал.

Вернувшись домой, мы отмыли чемоданы с тряпочками. А штаны, которые вызвали ярость таксиста, торжественно отнесли на помойку.

Мария САВЧЕНКО

Волку — выть, корове — телиться, —

Распахнувшая могуть! И от ветра не застыть, И в нее не завернуть... Бреет бризом по макушке. Долог путь, да вот весло: Свежевзбитым

лунным маслицем Лихо прописать волну. Озерчавые плескались, Ленты вплетены в камыш...

А для храбрых воеводец — И колыба, и огонь; Хороводцы бессонных Грустных ласковых ночей; И подушки хлебный мякиш, И доверчивый ручей...

Окропила взглядом темень Летокалендарных верст.

Мой прицеп ушел на север Списанных со склада мертвых, Но немнущихся имуществ. Хоть и пыльный, Но фотограф,

Камень — ножницы — ничей, Предьявы служебный пропуск, Ограниченной распиской О неразглашении.

А звезды — мои neroжденные маль4ики, танцуют сложные па, оставляя холодный пот на лбу и маленькие градусы южноамериканской жары...

а там длинноногие жирафы и выющиеся реки,

там темнокожие девы, там худые руки и 4ерное золото... долотом по затылку. и зебры в мыле, в пыли.

в золотых оправках слова — сквозь телеграф 4ужие монографии.

и вот теперь бы закурить. забить и запить... затем забыть

и всплунуть зажигание обжигающим можжевельником и каплей понедельника, кашуцегося старой девой с красивыми руками...

А помнишь ту слабость в коленках и в мерзлых руках?

Морозно. Солне4но. Памятно, ломота в руках переливается в цвет неба, в тени 4ерных кошек,

едва затрагивающих царпающих руки, бирюзовых голубей, и выюнком выютя ветви в4ершних дней, капают на дно бордовым цветом айседоровского шарфа...

ВЭ. ЭМ

снег-препинание москва клубится не-сигаретным дымом

— мы будто врозь и будто не-морозили и левитан отта4ивает кисть едва касаясь — на бег пускаются слова бессильно скалясь и препирание ты — я как клетка пледа /полоска красная моя/

перви4ность света ложится краской на ладонь смы4ком на шею — вторит но4тирн витамин цэ пластилиновой капелькой неотве4енным вызовом у нее ве4но так —

/занято/

Волны набегает слева... мне бы туда,

но ты спешишь. Ты накру4иваешь мысли на пальцы и можно было бы притормозить, но нервы давят на виски, на ветру потеряно шестое 4увство. 4ай по каплям на раздражение...

«ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА»

Во Всемирном клубе одесситов благодаря поддержке члена клуба Евгения Деменка работает клуб молодых литераторов. Знакомим читателей газеты с творчеством нескольких членов нового клуба.

Валерия РЕПИНА

Вовкино детство

О, как прекрасна юность! Когда каждый завязавшийся роман кажется началом большой любви... Да-да, той самой, о которой пишут в книгах, снимают кино. Но как же больно в очередной раз разочаровываться, пить крепкий и почему-то солоноватый чай, тайком скуривать пачку сигарет и писать жесткие СМС с присущими юности максимализмом очередному отправленному в отставку кавалеру.

Расставшись с последней пассией, я решила сломать эту схему и пригласить на чаепитие друга Вовку. Вовка — это человек, с которым просто невозможно грустить.

Я не знаю, оптимистами рождаются или это приобретенное, но Вовка — природный оптимист.

Оптимист, как всегда, пришел с опозданием, он вечно, как и я, никогда никуда не успевает.

Вовка пришел не один, а с баранками, причем баранки были не в пакете, а нанизаны на нитку. Все это великолепие гордо висело на хрупкой Вовкиной шее.

— Вау, — восхитилась я. — Неужели такие еще продаются?

— Сам делал, — скромно сказал Вова и заулыбался.

Я положила на стол булочки, и мы сели пить чай.

Когда мы расправились с половиной связки и выдули по три чашки чая, я не выдержала и решила немножко погрузить Вовку своей love story:

— Вовчик, ну почему так всегда, вроде находишь человека, который подходит тебе по всем параметрам, а потом прекрасным, ой, скорее ужасным днем ты по одному его поступку или фразе понимаешь, что это вообще не твой человек. И недоумеваешь: что держало вас рядом?

— Проблема в том, что люди не понимают, что не нужно надевать розовые очки, идеализируя людей, — задумчиво сказал Вова.

Лучше бы он этого не говорил, эта фраза мне напомнила мое предыдущее увлечение. Я замолчала и стала дуть на остывший чай.

— Ну, что такое? — протянул вопрошительно Вовка.

Я обиделась, ненавижу эту фразу.

— Я вообще не применительно к тебе ее сказал, — скороговоркой

проговорил Вовка и вдруг помрачнел.

Мне стало не по себе от такой перемены. Веселые чертики в его зрачках исчезли, серые глаза потемнели.

— Что случилось? — почему-то пропичала я.

Вовка, казалось, не слышал вопроса, затем начал говорить. Голос звучал глухо, как будто голос заперся в Вовкином теле, и ему было сложно вырваться.

— Знаешь, очень часто обижаешься на человека, который и не думал тебя обижать. Просто мы настолько пропитались эгоизмом, что, кажется, весь мир крутится вокруг нас. И что именно на нас посмотрели, именно над нами смеются...

Когда мне было четырнадцать лет, мне очень нравилась девочка, жившая по соседству. Мы с ней здоровались и только, ей было двадцать, и она тусовалась в старшей компании. Знаешь, я был счастлив только от одного ее «Привет». Я и надеяться не мог, что она по-настоящему обратит на меня внимание. Хотя я часто представлял, как она выходит гулять с собакой, а на нее нападает свора дворняг, а я с палкой наперевес бегу ее спасать. Или же зимой: она поскальзывается, ломает ногу, а я на руках несусь ее домой. В этот период подростковых прыщей и плакатов возле кровати я только нюю и жил, и просил Бога мне помочь.

Вовка замолчал. Я вопросительно посмотрела на него.

— Бог помог, — криво усмехнулся Вова. — Однажды, зайдя в магазин, я увидел Ее. Она стояла у прилавка и выбирала, как сейчас помню, булочки с вишней. Я тихонько приблизился, да так «тихонько», что нечаянно толкнул ее.

— Привет, — кивнула она мне и улыбнулась.

— Угу, — сказал я и покраснел. Она вышла из магазина, а у меня продолжали гореть уши.

— Мальчик, тебе что? — лениво спросила расплывшаяся от жары продавщица.

Я стоял и молчал, пока какой-то мужик не кивнул на прилавок: — Эге, ключи кто-то забыл.

— Девушка, наверное, она там полчаса чего-то выбирала, — откликнулась старушка в больших очках.

Меня моментально осенило, я выпалил:

— Я ее знаю, она моя соседка, я ей отнесу, — схватил ключи и выско-чил на улицу.

В конце квартала я увидел ее, но не окликнул, а решил дождаться, когда она приблизится к своему подъезду. Но она не пошла домой, а направилась к беседке и села на качели. Я подошел и молча протянул ей ключи. Сперва она, казалось, не заметила меня и продолжала мечтательно смотреть куда-то вдаль. Наконец, словно очнувшись, она взяла ключи и так же задумчиво сказала:

— Спасибо тебе... мм... Олег. Меня заколотило: «Она даже имени моего не помнит!».

— Я не Олег, — пробурчал я.

— Ой, прости меня, пожалуйста, — быстро-быстро сказала девушка и почему-то расплакалась.

Я развернулся и застыл на месте. Да и что я мог сказать ей, той, имя которой я столько раз выводил на песке летом, в имени которой жила музыка. Не знаю, сколько я так простоял, но, пройдя несколько шагов, я неожиданно услышал ее неестественно звонкий голос.

— А что ты делаешь сегодня вечером? У тебя найдется для меня время?

Я, не веря услышанному, онемел, затем сказал себе: «Дурак, отвечай, мечты все-таки сбываются!».

Я не ответил, а проорал:

— Да, да, и не только вечер, а все последующие дни, и вообще, я люблю тебя!

Я развернулся, чтобы посмотреть ей в глаза, и увидел, что она разговаривает по мобильному и недоуменно смотрит на меня. Я покраснел и позорно побежал домой.

Я еще долгое время боялся выйти погулять, мне казалось, что, выйдя из дома, я обязательно встречу ее. Тогда я решил, что она специально все устроила, чтобы унижить мою невменяемую любовь, чтобы посмеяться надо мной.

Кстати, тот магазин скоро закрыли, я на его месте открыли «наливайку»...

Тут Вовка, казалось, выдохся и замолчал, провел рукой по лицу, словно отгоняя что-то.

Через пару минут это был тот же Вова с блеском в глазах. Так, будто ничего и не было сказано, он весело спросил:

— Ну, чего еще пожевать есть?

Я придвинула ему оставшиеся сухих. Булочки, которые оказались с вишней, я спрятала в хлебницу.

Богдана БОНДАРЬ

рифма слов

тебе в этом твоём "да-ле-ко" хорошо сберегаться

от грудного надсада шепеляво 4ертя

полукружность китайского сада и небрежно — врасход —

опоясывать кругом себя ненарошность и вялость

плоскостей на спине

на щеке на беспомощной вязи у глаза

терпеливо — по дольке да под локоток

на4инять глазурованность нежного взгляда

и до степени лжи и упрямства

насаждать непреклонность меня

разменяв три монетки на ласку

на стенность углов на суровость оков

на размерность летнего сада где сто тысяч шагов

разбивают мне бровь растирают в песок

рифму слов хорошо далеко

и не надо

рго.порция

Автокары вязнут в двадцатых. Поддых аккорды пляшут в сепии... мм...

по губам медом — горе4ь —

не выплёвывая, клей взгляды,

стыкуя плюс и минус.

Длинные айседоровские шарфы, вскрытые окна — на морозе

иней на волосах, дорога бесконе4на

пока поцелуй теплятся на шее... а ты...

такая гордая, 4то руки опускаются

и тушат в сердце 4ерные спи4ки —

то4ки между словами.

Волны набегает слева... мне бы туда,

но ты спешишь. Ты накру4иваешь мысли

на пальцы и можно было бы притормозить,

но нервы давят на виски, на ветру потеряно

шестое 4увство. 4ай по каплям на раздражение...

И та же, прописанная грузинской вязью

но4ь, шеп4ет сказки, лепе4ет маленьким маль4иком, смотрит бесцветными, беспробудно-глубокими

глазками, я сжимаюсь в эмбриональный

комоч, а целую твой образок...

Ирина ДЕЖЕВА

Заклинание

Свет заныл как день без тебя
Вычертилась тишь колодца
Голову отсекаю всем указать
Стройную рябь солнца

Выудить рыбку — плоха слеза
Мерзлыми плечиками сухольетья
Выглянь буквами вола
Первых желаний сетью
Вытони птицею
Вытани ситцами
Вынеси связками
Вымоли сказками

Выстой на скатерти
Выжди на проводе
Выдохни папертью
Крохотным холодом
Выстыни ободом
Долго ли, кована
Терпко ли, коротко —
Выбери мя!

